

.СУДЬБЫ «СВЯТОЙ РУСИ» *)

(Статья первая)

1.

Споръ номиналистовъ съ реалистами извѣчный. Онъ постоянно преломляется и въ нашихъ современныхъ спорахъ. Какъ только мы произносимъ слово народъ, нація, национальная душа, ея призваніе, т.е. говоримъ о весьма реальныхъ, живыхъ и цѣнныхъ для насъ предметахъ, такъ мнимо «строгие» ученые останавливаютъ насъ и просятъ осторожнѣе обращаться съ столь «общими и туманными» понятіями. Современные номиналисты начинаютъ намъ доказывать, что содержаніе данныхъ идей неопредѣлимо, ибо текуче и измѣнчиво въ порядкѣ непрестанного развитія. Что национальный характеръ слагался въ исторіи подъ воздействиемъ множества вліяній, часто стороннихъ и чуждыхъ; эти вліянія идутъ непрерывно до нашихъ дней, и ничто не ручается за устойчивость «духа націи» на завтрашній исторический день. При кажущейся основательности такія сужденія лукавы и невѣрны. Они берутъ вопросъ въ мертвой математической абстракціи, въ отвлеченныхъ рамкахъ косми-

---

*) Материалы по вопросу читатель въ изобиліи найдетъ у: *М. Макарія* «Історія русс. церкви»; Акад. *Е. Е. Голубинскаго* «Історія русс. ц.» т. II-й; «Русск. Историч. Библ-ка», изд. Импер. Археогр. Комисс. т. VI, СПБ, 1-е изд. подъ ред. проф. А. С. Павлова, 1880, 2-е проф. В. Н. Бенешевича 1914 (здесь перепечатка изъ Miklosic «Acta Patriarchatus Constantinopolitani»); Акад. А. М. Дьяконова «Власть Московскихъ государей». СПБ. 1889; Проф. Малинина «Старець Псковск. Елеазар. монастыр. Филоѳей и его посл.» Кіевъ. 1901. Проф. В. Саввы «Московские цари и византійские василевсы» Харьковъ. 1901. Проф. Шпакова «Государство и Церковь въ др. Россіи въ ихъ взаимн. отнош.» Кіевъ. 1904. Проф. П. В. Верховскаго «Учрежденіе Духовной Коллегіи и Дух. Регламентъ». Ростовъ на Дону. 1916.

ческаго, а не исторического, времени и въ перспективѣ столь же отвлеченной, мимо безконечной эволюціи. На самомъ дѣлѣ достаточно указать на простые эмпирические факты, чтобы сбить эту номиналистическую метафизику. Всѣ народы и культуры и древности и новаго времени, разъ выступивъ на историческое поприще, никогда не существовали въ еидѣ какои то протоплагазмы, переливающейся изъ одной формы въ другую. Не было ассиро-авилонянъ, переливающихся въ персовъ, персовъ въ египтянъ, египтянъ въ грековъ и т.д. Напротивъ отъ исторического начала до ихъ исторической смерти, если таковая уже наступила, народы являлись и являются устойчивыми и неразложимыми типами, явно подвластными закону биологической индивидуализаціи и самосохраненія, аналогичному закону устойчивости органическихъ видовъ. Египтянинъ всегда былъ египтяниномъ, римлянинъ римляниномъ, еврей евреемъ, арабъ арабомъ, армянинъ армяниномъ, какъ и русскій русскимъ, начиная съ первыхъ свидѣтельствъ о русскомъ характерѣ арабскихъ и византійскихъ историковъ IX вѣка. Народы столь же четко индивидуальны, какъ различны ихъ языки, и степень ихъ исторической измѣняемости не превышаетъ степени измѣняемости языковъ, всегда остающихся въ своемъ руслѣ и не сливающихся съ русломъ исторіи другого языка. Эта то исто-
рическая индивидуальность народовъ, ихъ типа, ихъ генія, ихъ призванія, единственно и интересуетъ насъ прак-
тически, когда мы устанавливаемъ, духовный образъ и высшій долгъ служенія нашего народа въ предѣлахъ отмежован-
наго ему Провидѣніемъ исторического времени, пусть относи-
тельно и малаго въ сравненіи съ космическими мѣрками, но реально для насъ существующаго и реально заполненнаго кон-
кретнымъ развертываніемъ судебъ и творчества живого рус-
ского соборнаго лика. Вотъ нашъ реалистический, нравственно-
религіозный и — смѣемъ прибавить — православный подходъ къ вопросу о душѣ русской культуры и ея верховной цѣли, ея эн-
телехіи. Предъ нами нѣть препятствія въ мертвой изгороди отвлеченныхъ номиналистическихъ построеній.

Живая душа русского народа, создавшаго Россію, не только какъ государство, но и какъ націю и культуру, какъ цѣльный духовный организмъ, для насъ есть непосредственно данный, опытно сопреживаемый фактъ. Онтологическое доказательство бытія качественно опредѣлен-

ной Руси — въ нась самихъ, въ нашемъ самосознаніи, какъ и онтологическое доказательство бытія Божія.

2

Каково же это качественное самоопределение Руси-Россії? Опять таки реально, эмпирически раскрывшееся и закрѣпленное въ 1000 лѣтней исторії? Русь нарекла себя «святой Ру́сью». Ни нашей матери греческой церкви - націи, ни православнымъ сирійцамъ и арабамъ, ни нашимъ братьямъ славянамъ, ни сосьдямъ - румынамъ, никому не полюбилось называться такъ, по крещенію и вѣрѣ. Греція охотно величаетъ себя «великой», какъ Англія «старой», Германія «ученой» и Франція «прекрасной». «Святымъ и избраннымъ» названъ былъ только библейскій Израиль, не смотря на его низменные инстинкты сребролюбія и материализма, и современный Израиль продолжаетъ сознавать себя таковыми. Въ этомъ самосознаніи Израиля и и Руси безспорно есть нѣчто дерзновенное и отвѣтственное.

Никто, во имя научной критики, не можетъ возразить, что столь возвышенное до претенціозности имя Руси есть плодъ «литературы» — канцелярски ли напыщенныхъ перьевъ тіуновъ и дьяковъ, официальной ли литературы іерарховъ и церковно-правительственныхъ актовъ, литературы ли монаховъ и книжныхъ просвѣщенныхъ людей, передовыхъ носителей культуры старого времени. Характерно, что вся наша древняя письменность, довольно богатая и церковно-патріотическими произведеніями, вплоть до XIX в. не знаетъ термина «святая Русь». Онъ — плодъ низового, простонародного творчества. Онъ родился и хранился въ неписанномъ народномъ преданіи, «каликами перехожими» въ такъ называемой народной литературѣ. Какъ «красно-солнышко», «моресинее», «мать-земля сырая», такъ и этотъ алмазный самоцвѣть — «святая Русь» — «свято-русская земля» разсыпанъ по скажочнымъ полямъ былинъ и духовныхъ стиховъ. Въ немъ нѣть ничего сочиненного «господами» - «варягами»*). Наши куль-

*) Повидимому это ласкающее служь простонародное имя. Руси впервые дошло до сердца православныхъ русскихъ книжниковъ, очутившихся надъ властью латинской Польши и раньше другихъ понявшихъ, что значитъ своя «земля святорусская», ибо выраженіе это вдругъ проскальзываетъ въ перепискѣ Курбскаго изъ Литвы.

турные «варяги» дознались о немъ только въ XIX в. изъ народнаго творчества и до сихъ поръ еще не научились обращаться съ нимъ, не разгадали его: явный знакъ, что это не ихъ ума дѣло, что они только бессильные комментаторы того слова откровенія, которое они получили изъ нѣдръ народнаго сознанія, что «святая Русь» есть «глазъ народа», vox populi. Объ этотъ разительный фактъ должны разбиться кощунства нѣкоторыхъ нашихъ варягомановъ, презрительно лишающихъ русскій народъ, какъ пустой «этносъ», не только дарованій государственныхъ и культурныхъ, но и религіозныхъ; для нихъ нѣть народа - богоносца, а есть только «варяги» - богоносцы и при томъ несущіе бездарному народу богоносный свѣтъ «ex occidente» (!!!) Надъ ними въ сотый разъ оправдывается слово вѣщаго поэта:

«Не пойметъ и не замѣтить
«Гордый взоръ иноплеменный,
«Что сквозить и тайно свѣтить
«Въ наготѣ твоей смиренной».

3

Когда же именно живое народное слово дошло до этого реченія «святая Русь», когда его зачеканило и какой соединило съ нимъ смыслъ? О хронологіи устнаго творчества можно лишь гадать, и потому обратимся къ твердой отправной почвѣ документальной исторіи и датированной собственной литературы.

Какъ губка воду, легко впиталъ въ себя греческую вѣру русскій народъ. Таковъ общий выводъ, вытекающій изъ внимательного разсмотренія исторіи первоначального распространенія христіянства по русской землѣ. «Огонь и мечъ» въ новгородскомъ эпизодѣ Добрыни и Путяты чисто политической природы и врываются въ эту исторію, какъ чуждая ей случайность. Крещенный по приказу сверху, «не только волею, но и страхомъ повелѣвшаго», русскій народъ тѣмъ не менѣе съ величайшей легкостью и быстротой по всѣмъ концамъ еще слабо объединенной русской земли сталъ народомъ «крестьянскимъ—христіянскимъ» и сталъ технически именно такъ называться. (Уставъ св. Владимира; XII в.—Завѣщ. грам. св. Антонія Рим.). Воспринятую греческую вѣру русскіе домонгольского времени

не называли православіемъ, а просто «вѣрой крестьянской» и какъ таковую противополагали ее всѣмъ «вѣрамъ поганьскимъ» и даже «латынской». И чѣмъ упориѣ было сопротивленіе христіанской миссіи въ средѣ окраинныхъ инородцевъ (финновъ), тѣмъ быстрѣе и характернѣе въ сознаніи именно русскаго, колонизующаго, «державнаго» населенія его «крестьянство» - христіанство сливается съ его рускостью. Власть къ XIII в. подчеркнуто называла свое коренное, крещеное населеніе «к(х)рестьянствомъ» въ отличіе отъ некрещенаго, отъ всякой «чуди»; при чемъ и «чудь» крестившаяся пріобщалась къ «крестьянству», ибо черезъ это русѣла. Церковное вліяніе въ новыхъ законахъ, обрядахъ и бытѣ, требовательно отдѣляя «хрестьянъ» отъ всѣхъ иновѣрцевъ, какъ «поганыхъ», тѣмъ закрѣпляло это отожествленіе юнаго національнаго сознанія съ принадлежностью къ «вѣрѣ крестьянской». Монгольско-татарское иго Русь встрѣтила съ ощущеніемъ своей «чистоты» и крещености — «крестьянственности», оскверняемой «Идолищемъ Поганымъ». Подъ этимъ болѣйшимъ ударомъ впервые начало формироваться общерусское національное сознаніе, именно какъ Руси христіа- ской. И забрезжилъ надъ всѣми концами разрозненной, но церковно объединенной русской земли единый идеалъ освобожденія христіанского народа отъ «засилія поганскаго», отъ «на- лежащей мглы языковъ» жуткой, темной, «бесерменской» Азіи. Въ этомъ самочувствіи въ XIII и XIV вв. Русь слилась съ свои- ми учителями въ христіанствѣ-греками, которые претерпѣвали вѣками одолѣніе со стороны басурманъ-сарацинъ, а теперь и турокъ, уже вступавшихъ одной ногой въ Европу и фактиче- ски державшихъ Византію въ тѣсной осадѣ. Это единство пере- живаній всего тогдашняго православнаго міра особо способ- ствовало усвоенію и единаго полуапокалиптическаго церковно- политическаго міровоззрѣнія, отъ грековъ заимствованного и нами.

4

Воспитаніе русской княжеской власти въ идеалахъ все- ленского православнаго царства со стороны и греческой и рус- ской іерархіи и всей вообще церковной письменности состав- ляетъ фактъ общеизвѣстный и прекрасно уясненный въ наукѣ. Но глубоко принялись и освоились эти идеалы на русской по-

Чвѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ объективно сложившихся усло-
вій и крупныхъ, єолнующихъ историческихъ событій: обєди-
ненія Руси подъ московскимъ единодержавиемъ, сверженія та-
тарской неволи, Флорентійской уніи и паденія Константино-
поля. Еще въ первыя десятилѣтія XIV в. въ разгарѣ борьбы
за гегемонію Твери съ Москвой весьма литературный тверской
монахъ Акиндинъ горячо внушалъ тверскому вел. кн. Михаилу
Ярославичу идеи «царской» активности и отвѣтственности въ
дѣлахъ вѣры и церкви. Но теорія, не поддержанная фактами,
осталась безъ послѣдствій. Лишь образовавшійся московскій
центръ, завязъ будущей царской власти, сталъ круто притя-
гивать къ себѣ и центръ церковной власти и всѣ просвѣщенные
и идеологическія силы своего времени. Лишь теперь типъ пра-
вославнаго царства, преемственаго продолженія Византіи,
сталъ вырисовываться сознанію и великихъ князей и церков-
ныхъ писателей, какъ нѣкая наступающая и исторически зри-
мая реальность. И мысль заработала и чувство проснулось.
То, что народъ уже въ глубинѣ своего сознанія накопилъ и по-
любилъ: — свою крещеность, свое запечатлѣніе именемъ Хри-
стовымъ и Его спасительнымъ и животворящимъ Крестомъ,
свою чистоту и избранность среди заблуждающихъ народовъ
мира, — все это начитанные и прекрасно владѣвшіе
перомъ мыслители и публицисты Москвы, главнымъ образомъ
XV вѣка, выразили въ богатой религиозно-патріотической ли-
тературѣ, обосновавъ въ ней теоретически, богословски и исто-
рически переходъ на русскую землю мировой миссіи право-
славнаго царства и посему священное значеніе и назначеніе
московской государственности. Съ восторгомъ сѣтлой радости;
но и съ трепетомъ апокалиптической отвѣтственности, какъ
нѣкое откровеніе, осознали и принимали они эту идею, свер-
кнувшую во благовременіи и потому всѣмъ понятную, всѣми
принимаемую, для всѣхъ самоочевидную. Подлинный народъ
и подлинная, нераздѣльная отъ него интеллигенція «единомы-
сліе исповѣдали» и единымъ сердцемъ и едиными устами изрек-
ли вѣщее слово о «святой Руси». Съ этого времени (т.е. съ XV в.)
по крайней мѣрѣ, а можетъ быть и раньше и независимо отъ
литературы, и эпосъ объ Ильѣ Муромцѣ и объ Егоріи Храб-
ромъ украсился «святою Русью», «землей Святорусской» или
«Свѣтлорусской». А для народной исторической пѣсни XVI в.
уже стереотипно: «то было во каменной Москвѣ, на святой Руси».

Какое содержание и какой смысл вложила въ это русская московская мысль—отвѣтить намъ краткая историческая справка.

5

Система взаимоотношений въ христіанскомъ государствѣ властей церковной и гражданской, созданная греками и закрѣпленная въ исторіи восточнаго канонического права, сводится къ началу двуединой симфоніи. Положеніе церкви въ Персіи, арабскихъ халифатахъ и подъ властью ино-вѣрныхъ варваровъ мыслилось какъ ненормальное, дефективное. Идеальной нормой былъ унаследованный отъ римскаго владычества образъ единаго на землѣ, по крайней мѣрѣ по возглавленію всѣхъ другихъ, вселенскаго царства, которымъ управляетъ муромпомазанный церковью вселенскій христіанскій царь (*βασιλεὺς*) Новаго Рима, т.е. Константинополя. Рядомъ съ нимъ стоитъ архіепископъ Новаго Рима, патріархъ вселенскій, по чести и значенію возглавляющій всѣхъ другихъ патріарховъ. Государство и церковь есть *единый организмъ*, въ которомъ подданные живутъ управляемые материально и морально двумя согласными властями — царствомъ и священствомъ и направляемые чрезъ земное благополучие къ *единой небесной цѣли*: вѣчному духовному спасенію. «Василевъ и патріархъ» — гласитъ Эпанаагога царей Василія Мак., Льва и Александра — «мірская власть и священство, относятся другъ къ другу какъ тѣло и душа и, сообразно существу человѣка, оба необходимы для благоденствія подданныхъ. На согласіи той и другой власти утверждается высшее благо государства». Это согласіе *стирофу́μα* властей включало въ себя отчасти узаконенное, отчасти морально свободное, управляемое тактомъ, со участіе каждой въ сферѣ дѣйствія другой, безъ нарушенія ея специфическихъ полномочій. Права царей въ церковныхъ дѣлахъ, унаследоданныя отъ правъ римскихъ императоровъ, какъ понтифексовъ (*jura circa sacra* были частью *juris publici*), несмотря на частыя фактическія злоупотребленія, горячо отстаивались авторитетными византійскими канонистами. Вотъ выраженія знаменитаго Іоанна Вальсамона (XII в.,): «Василевсы, какъ и патріархи, должны почитаться учителями въ силу сообщаемаго имъ помазанія священнымъ муромъ. Отсюда происходитъ пра-

бо благовѣрныхъ василевсовъ поучать христіанскій народъ и подобно архіереямъ, кадить въ церкви. Сила и дѣятельность василевсовъ простирается и на тѣло и на душу подданныхъ, тогда какъ патріархъ есть только пастырь душъ». Въ силу этого, узаконенного практикой и канономъ, права царей защищать правую вѣру и блюсти въ церкви порядокъ, греческіе канонисты и присвоили имъ эпитетъ *επιστρούρχος* т.е.блюститель, взятый отъ имени старшихъ надзирателей за порядками въ монастыряхъ. Эпитетъ характерный. Ссылаясь на него, напр., архіепископъ Дмитрій Хоматинъ такъ обрисовываетъ каноническія права царей. «Василевсъ, который есть и называется верховнымъ блюстителемъ церковнаго порядка *επιστρούρχος* стоитъ выше соборныхъ опредѣленій и сообщаєтъ имъ силу и дѣйствіе. Онъ есть вождь церковной іерархіи и законодатель по отношенію къ жизни и поведенію священниковъ. Онъ имѣетъ право рѣшать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантныя епископскія каѳедры. Онъ можетъ возвышать епископскія каѳедры и егисковъ въ достоинство митрополій и митрополитовъ. Словомъ за исключеніемъ только права совершать литургію и рукоположеніе, василевсъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ прочія преимущества епископовъ и потому его постановленія имѣютъ силу каноновъ. Какъ древніе римскіе императоры подписавались *pontifex maximus*, такъ и настоящіе имѣютъ такой же авторитетъ въ силу получаемаго ими священнаго муропомазанія. Какъ Искугитель нашъ, помазанный Духомъ Святымъ, есть верховный нашъ Первосвященникъ, такъ справедливость требуетъ, чтобы помазаникъ Божій - василевсъ надѣленъ былъ благодатью первосвященства ». За вычетомъ риторическихъ и логическихъ преувеличеній, эти выраженія являются довольно характернымъ свидѣтельствомъ, отражающимъ духъ греческаго пониманія каноническихъ правомочій царей и ихъ роли и призванія въ служеніи церковномъ.

6

Такъ какъ вселенскій царь и вселенскій патріархъ являются фігурами единственными въ мірѣ, какъ и само правос-

лавное «Ромейское» (такъ называли его и себя по Риму византийцы) царство, то этотъ своеобразный «христіанскій империализмъ» логически возглавлялъ есъ другіе православные народы, государства и церкви и канонически соподчинялъ ихъ себѣ. Это были какъ бы части нѣкоторой канонической федерациі, изъ коихъ каждая енутри себя копировала во взаимоотношеніяхъ властей гражданской и церковной образецъ «симфоніи» своего высшаго центра, т.е. Новаго Рима и была провинціей своей единственной метрополіи. Конечно, фактически мѣстный национализмъ и растущая сила новыхъ государствъ, ихъ борьба и конкуренція съ Византіей (напр. въ XIV в. Тырновское Болгарское царство и царство Стефана Душана Сербскаго) ломали эту схему, но греки настойчиво и канонически побѣдоносно отстаивали ее. Уже послѣ первого массового крещенія русскихъ въ 862 г. (послѣ набѣга ихъ на Царьградъ въ 860 г.) патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи 866 г. называетъ ихъ не только союзниками но и «подданными» василевса (*ἐν ὑπηκόων τάξει*), а историкъ XIV в. Никифоръ Григора сообщаетъ, что русскому великому князю отъ начала русской церкви въ чинахъ Византійского двора было отведено мѣсто и званіе «стольника» (*ἐπί τραπέζης ὄφφικος*-букв. «офиціантъ при столѣ»). Пусть политически это всеподданство всего православнаго міра Новому Риму было придворной иллюзіей, но каноническая власть василевсовъ ремейскихъ дѣйствительно простидалась на всѣхъ православныхъ по дѣламъ общечерковнаго значенія. И въ частности, въ теченіе всего древняго периода русской церкви, до отдѣленія ея отъ грековъ (въ 1449 г.), всѣ важные моменты въ ея административномъ устроеніи (назначенія митрополитовъ, дѣленія и объединенія митрополій, передвиженія ея каѳисмы) не проходили безъ царскихъ и соборныхъ актовъ изъ Византіи. Такъ напримѣръ, закрытіе въ 1347 г. уже не разъ отдѣлявшейся отъ общерусской митрополіи (по титулу «Кievской») митрополіи Галицкой при нашемъ митроп. Феогностѣ и патр. КП. Исидорѣ Вухирѣ произведено было хрисовулломъ василевса Іоанна Кантакузина формулированнымъ такъ: «Наше царское величество изволяетъ, постановляетъ и опредѣляетъ, чтобы святѣйшія епископіи находящіяся въ Малой Россіи...снова были подчинены митрополіи Киевской». Въ 1356 г. греки снова раздѣлили русскую митрополію въ пользу кандидата Литвы м. Романа,

и патріархъ Каллистъ, зная какъ это горько для Москвы, пишеть вел. князю Ивану Ивановичу, что все это произошло «по рѣ-шенію и приговору нашей мѣрности, а равно священаго со-бора, и должно имѣть силу и твердость согласно съ распоряженіемъ и опредѣленіемъ вы-сочайшаго и святаго моего самодержца». Такія формулы повторяются многократно.

Эта система введена была на Руси и какъ фактъ дѣйству-ющаго церковнаго права и какъ доктрина, настойчиво пред-лагаемая особенно въ минуты сомнѣній и колебаній. А до сом-нѣній и колебаній довели смиренныхъ и церковно-законопослу-шныхъ русскихъ людей сами греки своимъ соблазнительнымъ, беззаконнымъ и подкупнымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ русской митрополіи при св. м. Алексіѣ, поставивъ на его мѣсто Кипріана, и особенно послѣ его смерти, произвольнымъ поставленіемъ въ митрополиты Пимена учинивъ десятилетнюю смуту въ русской церкви. Новый вел. кн. Василій Дмитріевичъ (1389-1425 г.), желая покончить смуту великодушнымъ компро-миссомъ, принялъ м. Кипріана. Но, выражая наболѣвшее обще-ственное мнѣніе русскихъ о предательствахъ византійского двора, воспретилъ упоминать имя василевса въ синодикахъ (диптихахъ) и частнымъ образомъ говорилъ: «мы имѣемъ Церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ». За это патріархъ КП. Ан-тоній задалъ цѣлый выговоръ вел. князю и прислалъ слѣду-щій урокъ изъ византійского канонического права:

«Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то что, другие, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали все-ленскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблю-деніе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни, и много подѣизались противъ ересей...И если по Божію попу-щенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ церкви, то тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ миромъ и поставляется царемъ и самодерж-цемъ ромеевъ, т.е. всѣхъ христіанъ. На- всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами,

и этого преимущества не имѣть никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей... Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовоствали противъ церкви и вводили развращенные доктрины... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ(!), но «царя» указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого царя это (повелѣваетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но, какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ что, и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить царя благочестиваго и православнаго».

7

Эта исторія единаго православнаго царства мыслилась греками, какъ продолженіе ветхозавѣтной священной исторіи и потому отправлялась отъ откровеній пророка Даниила о преемственной сменѣ четырехъ царствъ. Такъ создалась величественная рама, въ которую входила вся мировая исторія. Четвертое Даніилово царство («человѣческое»), по согласному мнѣнію толковниковъ, должно было существовать до скончанія вѣка и отожествлялось съ Римской - Ромейской имперіей. Хронографы, популяризировавшіе эту теорію, черезъ славянскіе ихъ переводы рано ставшіе известными и русскимъ, обыкновенно пишутъ такъ: «Ассирійское царство раззорися Вавилоняны; Вавилонское Царство раззорися Персяны; Перское царство раззорися Македоняны; Македонское царство раззорися Римляны, - Римское царство раззорится Антихристомъ». «Ромейское царство», говорить позднѣйшій излагатель теоріи, «неразрушимо, яко Господь въ римскую власть написася», т.е. неразрушимо потому, что I. Христосъ по плоти былъ римскимъ подданнымъ, что, слѣдовательно, и христіанская церковь должна всегда состоять подъ охраной римской государственной власти. Такимъ

образомъ судьба Церкви и православія тѣсно связывалась съ политическими судьбами Ромейского царства. Но политическая судьбы перемѣнчивы, и эти перемѣны тихой сапой подрывали стройность теоріи.

Слабымъ мѣстомъ ея было уже то, что пришлось ввести въ нее скользкую деталь, а именно: идею преемственаго передвиженія христіанскаго царства. На возможное недоумѣніе, почему-же, при неразрушимости римскаго царства, центръ его уже не въ Римѣ, хронографы отвѣчали, что ветхій Римъ, спустя семь вѣковъ, впалъ въ Аполлинаріеву ересь, прельщенный Каруломъ царемъ, и его мѣсто занялъ Константинополь. А не поколеблется ли и Новый Римъ и не перейдетъ ли царство въ другое мѣсто? На этотъ непріятный вопросъ греки отвѣчали себѣ просто твердой увѣренностью, что этого не будетъ. Патріархъ Фотій говорилъ: «какъ владычество Израиля длилось до пришествія Христа, такъ и отъ насъ - грековъ — мы вѣруемъ — не отнимется царство до второго пришествія Господа нашего І. Христа». Но печальная дѣйствительность противорѣчила этой увѣренности. Не говоря уже о неуклонномъ приближеніи волны турецкаго потопа, даже соседнія православныя славянскія державы начали именоваться царствами, а ихъ князья и крали вѣнчаться «царями и самодержцами» съ расчетами взять самый Царьградъ. Правда ихъ столицы пали отъ турецкаго меча еще раньше, чѣмъ Константинополь. Но крушеніе ихъ юныхъ, неокрѣпшихъ надеждъ на преемство православнаго царства, не прошло безслѣдно и для Руси. Раненое національное чувство подсказало славянскимъ пришельцамъ на Русь (м. Кипріанъ, Пахомій и др.) перенести свои радужныя упованія на таинственную новорожденную столицу сѣвернаго славянскаго «царства» — Москву и желать видѣть въ ней «Новый Царьградъ». Такъ по существу идеологии и по суммѣ вицѣнтий историческихъ обстоятельствъ мысль о «передвиженіи и преемствѣ» вселенскаго православнаго центра стала мостомъ, по которому въ опредѣленный моментъ перешла на Русь вся величественная византійская историческая концепція и дала мгновенно полное, богатое и законченное до художественной цѣльности содержаніе уже выношенному въ глубинѣ народнаго сознанія самочувствію «святой Руси». Культурные и книжные русскіе люди облекли въ плоть и кровь теоріи безформенное національное чувство. Случилось это въ обста-

новкъ исключительно яркихъ событій и обстоятельствъ. Чисто-
русскія и мѣстныя переживанія вызвали усиленную духовную
работу въ русскихъ людяхъ, и они вплотную придинуты были
къ необходимости перенять отъ грековъ издавна имъ извѣстное
ученіе о вселенскомъ православномъ государствѣ и примѣнить
его къ себѣ. Въ этомъ оригинальномъ національномъ движеніи
исчезаетъ, какъ побочная деталь, выше отмѣченное юго-славян-
ское вліяніе. Русь сама нашла въ себѣ силы отвѣтить на став-
шій предъ ней трагическій вопросъ о судьбѣ православія во
всемъ мірѣ.

8

Греки потрясли русскихъ своеї измѣной православію на
Флорентійскомъ соборѣ (1439 г.). Эта измѣна легла незабыва-
емой грнью въ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній. «Солнце пра-
вославія померкло», самъ вселенскій царь съ патріархомъ
поцѣловали туфлю папы! Наступило страшное затмѣніе пра-
вославія, голгоѳскій мракъ и трепетъ обѣялъ русскія сердца.
Авторитетъ грековъ умеръ. До сихъ поръ отрочески покорные
ему, русскіе вмигъ стали религіозно совершеннолѣтними, по-
кинутыми только на самихъ себя. Это былъ многозначительный
духовный толчекъ, скристализовавшій русское религіозно-
патріотическое сознаніе. Произошла переоценка самого мѣ-
рила православности.

Когда въ Псковѣ одинъ защитникъ дѣоенія аллилуїи, хо-
дившій передъ самымъ флорентійскимъ соборомъ въ Констан-
тинополь и на Аeonъ, сталъ ссылаться въ подтвержденіе своеого
мнѣнія на греческій обычай, то ему отвѣчали, что патріархъ Іосифъ
съ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ и съ папою римскимъ учі-
нили 8-й соборъ въ градѣ Флорензѣ фряжскомъ, что на соборѣ
этомъ, который былъ на «сихъ лѣтѣхъ», греки «къ своей поги-
бели отъ истины отвернулися» и что слѣдовательно, «не пода-
баетъ намъ принимать отъ грековъ новаго ученія и раз-
вращатися отъ греческія земли; на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь
въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града теперь
уже мерзость и запустѣніе». Митрополитъ Іона
въ извѣстительномъ посланіи на Литву о своемъ постановленіи,
между прочимъ пишетъ: «коли бы ло въ Цариградѣ прав
ославіе», до тѣхъ поръ и московскіе князья «оттуда при-
мали благословеніе и митрополита» а теперь, подразумѣвается,

тамъ православія нѣтъ. Соборъ епископовъ московскихъ въ посланіи по случаю прихода въ Литву уніата Григорія также утверждаетъ, что «нынѣ цареградская церковь поколебалася, отъ нашего православія отступила».

Если, такимъ образомъ, русскіе увидѣли, что грековъ они переоцѣнили въ смыслѣ вѣрности православію, то можетъ быть они не дооцѣнивали съ этой стороны самихъ себя? Передовымъ человѣкомъ въ такой именно коренной ломкѣ взглядовъ явился русскій книжный іеромонахъ изъ Суздаля Симеонъ, очевидецъ паденія грековъ во Флоренціи, взятый въ далекое путешествіе еп. Аврааміемъ Сузdalскимъ въ качествѣ протоколиста событий. Въ своей «Повѣсти объ осьмомъ соборѣ», этотъ офиціозный литераторъ, начавъ съ тона сдержанного, переходитъ въ тонъ рѣзко критической и наконецъ возвышается, какъ публицистъ, до мыслей новыхъ и смѣлыхъ о высотѣ русского православія. Онъ утверждаетъ: «въ Руси великое православное христіанство болѣ въсѣхъ». Московскаго князя онъ называетъ «благовѣрнымъ и христолюбивымъ и благочестивымъ истиннымъ православнымъ великимъ княземъ, бѣльмъ царемъ всея Руси»—такова зачаточная формула мысли о переходѣ царства на Русь.

Подводя итогъ развернувшимся событиямъ въ 1461 г., по порученію московской власти тотъ же Симеонъ или Пахомій Сербъ или какой-то другой литераторъ, на основаніи «Повѣсти» Симеона и всѣхъ другихъ материаловъ, пишетъ: «Слово избранно отъ святыхъ писаний, еже на латыню и сказаніе о составленіи осьмого собора латынскаго, и о изверженіи Сидора Прелестнаго, и о поставленіи въ русской земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси». Здѣсь уже открыто и смѣло проводится тенденція о превосходствѣ, единственности русского православія и московскомъ вел. князѣ, какъ царь православія, ибо, какъ известно, ему, вел. кн. Василію Васильевичу преимущественно принадлежитъ рѣшимость отвергнуть м. Исидора съ его уніей. «Достоитъ же удивится разуму и великому смыслу великаго князя Василія Васильевича», пишетъ лѣтописецъ, «понеже о семъ Исидоръ митрополиты вси умолчаша и воздремаша и уснуша; единъ же сей богоудрый и христолюбивый государь великий князь Василій Васильевичъ позна Исидорову прелесть пагубную, и скоро обличивъ посрами его, и вмѣсто пастыря и

учителя злымъ и губительнымъ волкомъ назва его». Лишь послѣ этой смѣлой ініціативы «вси епискупи...возбудиша; князи и бояре и велможи и множество христіанъ тогда вспомянуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и зеати Исидора еретикомъ». Слово избранно открываетъ собой цѣлую серію восторженно-патріотическихъ произведеній юной русской публицистики, служащихъ яркимъ выраженіемъ только что родившагося русского національного самосознанія, гордаго и счастливаго своей осознанной благодатной миссіей обладанія сокровищемъ чистаго православія и именно въ этомъ полагающаго высшій смыслъ московской государственности.«Нынѣ убо»—читаемъ въ «Словѣ»—«во временахъ богопросвѣщенная земля русская, святымъ правленіемъ Божія церкви, тебѣ подобаетъ во вселеннѣй подъ солнечнымъ сіаніемъ съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестія, имѣя покровъ Божій на себѣ многосвѣтлую благодать Господню, исполнышися цвѣтovъ богозрачнѣ цвѣтушихъ — Божіихъ храмовъ... и зборъ святого пѣнія величаемыхъ, дѣржавою владѣющаго на тебѣ, богоизбраннаго богоувлюблѣннаго, богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго, и богославимаго богошественника, правому пути богоустановнаго закона, и богоудраго изыскателя святыхъ правиль, благаго ревнителя о Бозѣ и споспѣшика благочестію истиннаго православія, высочайшаго исходатая благовѣрію, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовѣрнаго и благочестиваго, великаго князя Василія Васильевича, богоувянчаннаго православью царя всея Руси». Въ этомъ ненасытномъ называніи любовно похвальныхъ эпитетовъ, какъ бы въ свѣтскомъ акаѳистѣ, слышится и горячее желаніе, чтобы это было именно такъ и какъ бы усилие словами покрыть то, чего не достаетъ. Авторъ, конечно, пониметь что московскому вел. князю и Москвѣ недостаетъ формально признаннаго титула царя и царства. И онъ даже придумываетъ этому своеобразное объясненіе. Онъ сообщаетъ будто греческій царь Іоаннъ Палеологъ въ бытность на соборѣ въ Италіи сдѣлалъ такое заявленіе: «Царь же тогда киръ Іоанъ извѣствоваше сицево слово Еугенію, папѣ Римскому и всѣмъ бывшимъ ту: «яко восточнii земли суть большее православie, высшее

хрестьянство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть государь братъ мой Василей Васильевичъ, ему же восточніи прислухаютъ и велиціи князи съ землями спужать ему: но смиреніа ради и благочестіа, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но князь земъ великимъ Русскихъ земель православія». Вскорѣ, какъ известно, особенно послѣ брака Ивана III съ племянницей послѣдняго Палеолога Зоей - Софьей, у Москвы появилось и формальная опора для провозглашенія себя царствомъ. Тогда и официальный языкъ московскихъ дипломатовъ и свободный языкъ публицистовъ приобрѣтаютъ въ этомъ смыслѣ совершенно увѣренный тонъ.

Но опять таки въ этомъ убѣжденіи о наступленіи на Руси эпохи православнаго вселенскаго царства ни «литература», ни книжные домыслы не были главной движущей силой. Оно родилось въ религіозномъ опыте московской и государственной и церковной власти и прошло длительное горнило страданій и бореній церковной совѣсти. Нелегко было зачеркнуть историческій авторитетъ грековъ. Неизмѣримо труднѣе — преодолѣть канонической авторитетъ церкви-матери. Назрѣвшій вопросъ объ автокефаліи русской церкви въ эту минуту долженъ былъ рѣшиться подъ давленіемъ необходимости. Метрополія отступила отъ православія. Ея філіальная части имѣли не только право но и обязанность, хотя бы на время, ею имя православія, объявить себя независимыми. Русскіе не сдѣлали этого, хотя весьма нуждались въ автокефаліи. Они истощили всѣ усилія и способы, чтобы получить ее канонически легитимно и, если не достигли этого вполнѣ, то, въ концѣ концовъ, по винѣ Константинополя и по винѣ опасныхъ посягательствъ униатской интриги, грозившихъ произвести въ русской церкви тяжелую смуту. Исторія скрупулезныхъ страданій русской канонической совѣсти въ вопросѣ о самостоятельномъ поставленіи митрополита Іоны (1448 г), что было равносильно началу автокефаліи, представляеть одно изъ выдающихся свидѣтельствъ русской религіозной добросовѣстности.*). Столь же добросовѣстно выстрадана была вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ неожиданно свалившаяся на него крайне отвѣтственная задача: стать на стражъ православія, которое пошатнулось въ самомъ его святилищѣ —

*) Вопросъ этотъ оч. большой, важный и интересный не вмѣщается въ предѣлы настоящей статьи.

Цареградъ и грозило такимъ образомъ, исчезнуть во всемъ мірѣ. «Мы же убо худіи», писаль вел. князь послѣднему васи- левсу Константину, «Богомъ наставляеми ни во что же вмѣни- хомъ его и самого (т.е. Исидора) и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изсохль травную; отъ того же пакы времен и попеченіе начахомъ имѣти о своемъ православіи, о бессмертныхъ единородныхъ нашихъ душахъ и частяхъ смерт- ныхъ, и о предстаніи нашемъ въ онъ будущій страшный день судный пред Судящимъ вся съ кровенная и наша денев- ная мысли и дѣла...»

9

Но вотъ палъ Константинополь. Событие вновь потрясшее православный востокъ, а русскихъ людей въ особомъ смыслѣ. Событие, произшедшее чрезъ 15 лѣтъ вслѣдъ за греческой уніей съ латинянами, явилось для русскихъ многозначущимъ знаменіемъ: и карой грековъ за предательство вѣры отцовъ своихъ, съ отнятіемъ отъ нихъ царскаго вѣнца, и — знаменіемъ милости Божіей къ русской землѣ, соблювшей православіе и оставшейся единственнымъ въ мірѣ оплотомъ правой вѣры, а слѣдовательно и единственной наслѣдницей православнаго царства. «Сами дѣти знаете», писаль м. Іона въ окружномъ посланіи 1459 г. «сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ... однако же нисколько не пострадалъ, пока греки соблюдали благочестіе. А когда они отступили отъ благочестія, сами знаете какъ пострадали, каково было плѣненіе и убийство; и ужъ о душахъ ихъ — Одинъ Богъ вѣсть!» Составитель повѣсти о паденіи Царьграда, перефразируя текстъ юго-славянской хроники Манассіи, пишеть: «сія убо вся благочестивая царствія — греческое и сербское, босанское и арбазанское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи Турци поплѣниша и въ запустеніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Руссійская земля, Божію милостію и молитвами Пр. Богородицы и всѣхъ свв. чудотворецъ, растетъ и младѣеть и возвышается. Ей же, Христе Милостивый, даждь расти и младѣти и расширятися и до скончанія вѣка». Скончаніе вѣка многими тогда ожидалось скоро, въ 1492 году (конецъ 7000 лѣтъ отъ сотворенія

міра). Стало быть новое вселенское царство - Москва, по вѣдмъ вѣроятіямъ должно быть послѣднимъ и отвѣщающимъ за судьбы православія на страшномъ судѣ. Эта прибавка эсхатологическихъ настроений только повышала вѣру въ реальность царственного наслѣдованія Москвы, которая закрѣпилась и по минованиіи страшного срока—1492 г. Изданная въ этомъ году московской митрополіей пасхалія на 8—ю тысячу лѣтъ между прочимъ гласить: «нынѣ прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго вел. кн. Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константиню — Москви и всей русской земли и инымъ многимъ землямъ государя».

Въ соблазнительномъ противорѣчіи съ высокимъ самочувствіемъ Ивана III, какъ наслѣдника греческаго благословленаго царства, особенно послѣ вѣнчанія его въ 1472 г. съ византійской принцессой и усвоенія себѣ византійскаго герба — двухглаваго орла, стояль фактъ тяготѣвшей надъ страной зависимости отъ татарской орды, официально именовавшейся по-русски «царствомъ». Басурманскій бичъ Божій, наказавшій грековъ, не долженъ былъ бы касаться народа, въ огнь искушенія сохранившаго православіе. Идея наступленія русскаго царства стала мощнымъ духовнымъ стимуломъ, чтобы покончить съ унизительной татарской неволей. Обезкуражившее на первыхъ порахъ Ивана III нашествіе хана Ахмата въ 1480 г. было отброшено и закончилось полнымъ освобожденіемъ благодаря энергичному давленію на вел. князя русскаго патріотическаго мнѣнія, выраженнаго голосами іерарховъ. До этого времени линія поведенія русской церкви въ отношеніи къ «царямъ» ордынскимъ была линіей пассивной лояльности. Теперь въ сознаніи ея произошелъ цѣлый переворотъ. Мириться свободная автокефальная церковь въ послѣднемъ себѣодномъ православномъ царствѣ на землѣ съ уродливымъ, незаслуженнымъ басурманскимъ засиліемъ, уже не могла. И къ колебавшемуся вел. князю Ивану Васильевичу обращены были новые дерзновенные рѣчи. Такъ напримѣръ, Ростовскій архіепископъ Вассіанъ писалъ ему: «И мы прощаемъ, разрѣщаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата не какъ на царя, а какъ на разбойника, хищника, богоуборца; лучше солгавши получить жизнь чѣмъ соблюдая клятву, погибнуть, т.е. пустить татаръ въ землю

на разрушение и истребление всему христіанству и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ, или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю?» Вчера еще «законный», сегодня уже «самозванный», ибо — «богостудный и бого boreцъ», немыслимый въ званіи «царя» православного царства. Цѣлая революція въ умахъ! Сформировавшееся национальное сознаніе въ теократическомъ міровоззрѣнніи Византіи нашло ясныя мѣрки и новыя оцѣнки для всѣхъ сторонъ окружавшей дѣйствительности.

Іванъ Васильевичъ III уже началъ писаться царемъ и самодержцемъ: «Божію милостью царь всея Руси», возбуждая тѣмъ даже дипломатические конфликты. А Василій Івановичъ III (1505 — 1533 г.), по словамъ лѣтописи, составилъ себѣ «особую титлу великія державы и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторьяхъ писать себе повелѣлъ, имже званьемъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашеся и не нарицаша, яко же сице сей: Божію милостію царь и великий князь», и сталъ систематически, настойчиво титуловать себя такъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Тутъ не только ступень политического развитія страны, но и религіозно-церковнаго возрастанія. И даже болѣе: именно церковное возрастаніе, какъ первенствующій двигатель политическихъ рѣшеній. Параллелизмъ наростаній съ преобладаніемъ фактора духовнаго, идеологическаго. Ясный, смѣлый, опредѣленный и увлекательный языкъ публицистики того времени свидѣтельствуетъ о томъ, гдѣ именно тогда бился пульсъ національной жизни и чѣмъ горѣло ея сознаніе, управлявшее волей и творчествомъ.

Посольскій толмачъ Дмитрій Герасимовъ написалъ «Повѣсть о бѣломъ клобукѣ», гдѣ онъ доказывалъ, что эта святыня — потому чудеснымъ образомъ перешла на Русь, что «ветхій Римъ отпаде славы и отъ вѣры Христовы гордостію и своею волею; въ новомъ же Римѣ, еже есть въ Константина градѣ насилиемъ агарянскимъ также христіянская вѣра погибнетъ. На третіемъ же Римѣ, еже есть на русской земли, благодать Св. Духа возсія, яко», говорится далѣе въ формѣ пророчества, изрекаемаго папой Сильвестромъ, «вся

христіяньская царства приидуть въ конецъ и сидуся в о едино царство русское православія ради — Яко же бо отъ Рима благодать и слава и честь отъята бысть, такоже и отъ царствующаго града благодать св. Духъ отъимется въ плѣненіе агарянское, и вся святая предана будуть отъ Бога велицѣй рустѣй земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки, и подъ властю его мноzіе царіе будуть отъ иноязычныхъ, и патріаршескій великій чинъ отъ Царствующаго сего града такожде данъ будетъ рустѣй земли во времена своя, и страна та наречется свѣтлая Росія, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареніи русскую землю, исполнити православія величество и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ». Итакъ, безъ колебаній: Москва — Третій Римъ и даже болѣе славный, чѣмъ первые два. Для времени Дмитрія Герасимова это конечно *vaticinium post eventum*. Но всетаки примѣчательно возвышение поэтическаго вдохновенія и до буквального пророчества о грядущемъ русскомъ патріаршествѣ: «желаніе есть отецъ мысли», да и теорія царства безъ этого не полна.

Въ то же время цѣлый циклъ сказаний о «Мономаховомъ вѣнцѣ» развиваетъ мысль о переходѣ знаковъ царского сана изъ Вавилона черезъ Египетъ, Римъ, Византію на Русь.

10

Окончательную и самую сильную формулировку сложившихся въ русскомъ обществѣ высокихъ представлений о новыхъ теократическихъ правахъ и обязанностяхъ русскаго государства и его самодержавныхъ (т.е. независимыхъ отъ чужой власти) правителей даетъ учительный старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей въ своихъ посланіяхъ къ дьяку Мисюрю Мунехину и вел. князьямъ Василію III и затѣмъ Ивану IV. Церковь православная, какъ апокалиптическая жена, сначала бѣжала изъ старого Рима въ новый «еже есть Константина градъ, но ни тамо покоя обрѣть, съединенія ихъ ради съ латынею на осьмомъ соборѣ». «И оттолѣ Константинопольская церковь раздрушился и положися въ попраніе, яко овощное хранилище». «И паки въ третій Римъ бѣжа, иже есть въ новую великую Русію. Се есть пустыня, понеже святыя вѣры пусти бѣша, и иже

божественніи апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтися на нихъ благодать Божія». Судьба церкви тѣсно связана съ судьбами христіанскихъ государствъ: « вся христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ; токмо единаго государя нашего царство едино благодатію Христовою стоитъ». Стало быть оно и есть богоизбранное царство — послѣдній сосудъ православія до дня наступленія вѣчнаго царства Божія, «Внимай Господа ради», обращается Филоѳей къ вел. князю, «яко вся христіанская царства сидоша въ твоемъ царстве; по семъ чаемъ царства, ему же нѣсть конца»; или иначе: «вся христіанская царства сидоша въ твоемъ единомъ : яко два Рима падоша , а третій стоитъ, а четвертому не быти; твоемъ христіанскоемъ царство и нѣмъ не останется». Отсюда сама собой понятной становится и провиденціально-церковная роль русскаго великаго князя. «Единъ ты пишеть нашъ старецъ Василію III, во всей поднебесной христіаномъ царь». «Единъ есть православный русскій великій царь во всей поднебесной, говорить онъ въ посланіи къ Ивану Васильевичу, «яко же Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную вѣру». Послѣднимъ выраженіемъ ясно дается знать, что самая существенная функция царской власти — это защита вѣры и церкви Христовой; великій князь московскій поэтому является, браздо-держателемъ святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія соборныя апостольскія церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, иже въместо костянтинопольскія просіяла». Вмѣстѣ съ «вселенскимъ» царемъ на Москву титулъ «вселенской»; здѣсь приписывается и символу церкви — Успенскому собору, замѣнившему вселенскую св. Софію, лишенную креста. Другими словами и русская Церковь есть «вселенская» въ смыслѣ гла-венства и первенства чести «вместо Костянтинопольскія».

Выше этихъ высотъ и шире этихъ широтъ русское національное-религіозное и религіозно-національное сознаніе по существу никогда не подымалось. Послѣдующая его исторія была только практическимъ раскрытиемъ и приложеніемъ всего же цикла идей. Русское самосознаніе отъ самыхъ пеленъ

своихъ какъ то сразу вознеслось на свою предѣльную высоту и въ этомъ величіи своихъ помысловъ, въ нѣкоторомъ ихъ максимализмѣ, вскрыло природу Россіи, какъ лона міровой культуры. На грани XV и XVI вѣковъ величіе и слава «святой Руси» сразу и ослѣпительно открылись русской душѣ и затѣмъ незабываемо залегли въ ней навсегда, какъ свѣтлыя, чистыя и окрыляющія мечты и еосгоминанія юности. Великія мечты великаго народа, воплощенные въ словѣ съ такимъ паѳосомъ и съ такой рѣдкой силой на зарѣ его литературы! То были гимны первой юношеской любви русской души своему религіозному избранничеству, своему мессіаническому призванію. И не было болѣе въ исторіи русскаго самосознанія мгновенія, равнаго этому по захватывающей новизнѣ, по оплодотворяющему творческому вдохновенію. Послѣ Петра привзошелъ въ русскую жизнь паѳось внѣрелигізной культуры, который нашелъ въ даренітомъ народѣ также своей откликъ и принесъ выдающіеся плоды иного, свѣтскаго творчества. Но никогда этотъ параллельный, не сливающійся съ прежнимъ паѳось, пока одной только интеллигенціи, а не народа, не создаваль еще в о всенародномъ смыслѣ какого либо яркаго, специфического національнаго идеала, тѣмъ болѣе мессіаническаго. Идеалъ «святой Руси» и въ этой, новой, духовно-сложной атмосферѣ остается неповторимымъ по своей глубинѣ, силѣ, исторической укорененности и сродности духу народа, имъ запечатлѣнному. Не было еще въ исторіи примѣра, чтобы народѣ, создавшій свою культуру на почвѣ одного вдохновенія, одного идеала, въ раззвѣтѣ силъ своихъ перемѣнилъ этотъ идеалъ и началъ творить столь же успѣшно новую культуру, на новую тему. Нѣтъ. Народы въ свою органическую эпоху воплощаютъ свой духъ только въ одну свойственную имъ форму и, такъ сказать, обречены прожить свой историческій вѣкъ въ ней, ее разевая, обогащая, видоизмѣня, но не замѣня и ей не измѣня. Измѣна ей — культурное самоубийство, или этническая старость, обезцвѣчиваніе народа, послѣ чего онъ можетъ еще жить долгія столѣтія механической, подражательной, интернационально-шаблонной жизнью, никого не радуя и никому ничего не обѣщаю. Не будемъ указывать примѣровъ, чтобы никого не обижать.

Россія, найдя свой идеалъ, употребила великія и добросовѣстныя усилія, чтобы стать его достойной. И если па-

дала, изнемогала и грѣшила, то подымалась вдохновляемая имъ же. А главнымъ образомъ — имъ, и единственно имъ, спасалась въ страшныя минуты своей исторіи, когда жизнь ставила ее на край опасности или гибели.

А. Карташевъ.